

Проприетивные и привативные аффиксы в некоторых уральских языках: о маркированности и (не)словоизменительном статусе

© 2025

Ксения Михайловна Лапшина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; xenilapshina@gmail.com

Аннотация: В работе на основе данных корпусов текстов и грамматических описаний ряда уральских языков исследуются морфосинтаксические свойства проприетивных и привативных показателей, выраженных связанными морфемами и образующих производные со значением ‘обла-дающий X-ом’ и ‘лишенный X-а’ соответственно. В статье рассматривается материал тундрового ненецкого, мокшанского, горномарийского, мансийских, хантыйских, удмуртского и финского языков. Первая часть исследования посвящена сопоставлению морфосинтаксических свойств проприетивных и привативных аффиксов как в разных языках, так и внутри одной языковой системы. В работе показывается, что, хотя привативные показатели имеют не меньше ограничений на производящую основу, чем проприетивные, они малочисленны и чаще совпадают с прилагательными каритивными показателями, чем проприетивные — с комитативными. Таким образом, утверждается, что приватив имеет маркированный статус по отношению к проприетиву. Далее на основании морфосинтаксических свойств обсуждается статус исследуемых аффиксов как словообразовательных или словоизменительных показателей. Большинство рассмотренных проприетивных и привативных аффиксов не могут быть однозначно отнесены ни к тому, ни к другому типу. При этом аффиксы, совмещающие функции атрибутивизаторов и (комитативных или каритивных) адвербальных маркеров, в большей степени сохраняют внутренний именной синтаксис основы, но не в той мере, как ядерные падежи в этих языках. Таким образом, данные свидетельствуют о том, что исследуемые атрибутивные показатели сильнее отклоняются от словоизменительного прототипа, чем соответствующие адвербальные показатели.

Ключевые слова: атрибутивы, каритив, комитатив, маркированность, приватив, проприетив, словоизменение, словообразование, уральские языки

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г. Автор выражает благодарность Ивану Андреевичу Стенину за чуткое научное руководство и анонимным рецензентам за ценные комментарии.

Для цитирования: Лапшина К. М. Проприетивные и привативные аффиксы в некоторых уральских языках: о маркированности и (не)словоизменительном статусе. *Вопросы языкоznания*, 2025, 1: 95–118.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.1.95-118

Proprietary and privative affixes in some Uralic languages: On markedness and (non)inflectional status

Ksenija M. Lapshina

HSE University, Moscow, Russia; xenilapshina@gmail.com

Abstract: This paper studies the morphosyntactic properties of bound proprietary and privative markers in some Uralic languages using corpus data and grammatical descriptions. Such affixes attach

to substantive bases and form derivatives with the meaning of ‘possessing X’ and ‘deprived of X’, respectively. The paper considers the material of Tundra Nenets, Moksha, Hill Mari, Mansi, Khanty, Udmurt and Finnish. Firstly, morphosyntactic properties of proprietive and privative affixes are compared across different languages and in a given language system. It is shown that, although they have no less restrictions on the derivational base than proprietive ones, privative markers are fewer in number and often coincide with adverbial caritive markers. It is argued that privative is marked in relation to proprietive. Then the status of the affixes as inflectional or derivational markers is discussed. Most of the considered proprietive and privative affixes cannot be analyzed as either. Affixes that combine the functions of attributivizers and (comitative or caritive) adverbial markers preserve more of the internal nominal syntax of the base, but to the lesser extent than the core cases in a given language. Thus, the data testify that the studied attributive markers deviate more from the inflectional prototype than the corresponding adverbial markers.

Keywords: attributives, derivation, inflection, markedness, privative, proprietive, Uralic

Acknowledgements: The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at HSE University in 2024. The author is indebted to Ivan Stenin for precise and attentive supervision and to anonymous reviewers for valuable comments and advice.

For citation: Lapshina K. M. Proprietive and privative affixes in some Uralic languages: On markedness and (non)inflectional status. *Voprosy Jazykoznaniya*, 2025, 1: 95–118.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.1.95-118

1. Введение

1.1. Предмет исследования

Исследование посвящено показателям некоторых уральских языков, выраженным связанными морфемами, которые, присоединяясь к основам существительных, образуют дериваты со значением признака: ‘обладающий X-ом’ и ‘лишенный X-а’. Такие показатели я называю проприетивными и привативными соответственно.

Проприетивные и привативные аффиксы распространены, например, в тюркских и монгольских языках, ср. в казахском: *күш-ти* (сила-PROPR) ‘сильный’, *ұн-сіз* (голос-PRIV) ‘безмолвный’ [Гращенков 2015: 10–11]. Часто такие показатели могут не только присоединяться к немодифицированной основе, но и оформлять составляющую:

- (1) a. *табан набаша-тай сэсэг*
пять лист-PROPR цветок
'цветок с пятью лепестками'
- b. *табан набаша-гүй сэсэг*
пять лист-PRIV цветок
'цветок без пяти лепестков' [Там же: 7]

Суффиксы проприетива и приватива в некоторых языках совпадают со средствами, кодирующими вовлеченность или отсутствие участника в клаузе, то есть с показателями комитатива и каритива соответственно:

- (2) a. Энэ *үе-дэ господин смотритель залуу шэнэ нургагша-тай*
это период-ДАТ г. с. молодой новый учитель-COM/PROPR
оро-бо.
войти-PST.3SG
'В это время вошел господин смотритель с молодым новым учителем'. [Санжеев 1962: 86]

- b. *Xor хүбүүн-гүй дуула-на.*
 хор мальчик-CAR/PRIV петь-PRS
 ‘Хор поет без мальчиков’. [Гращенков 2015: 9]

Я рассматриваю в первую очередь морфосинтаксические свойства проприетивных и привативных атрибутивизаторов и их дериватов в уральских языках. В связи со случаями синкремизма, который иллюстрируется в (2), в поле исследования также попадают адвербальные показатели — комитатива и каритива. Целью исследования является выяснить, какие именные свойства сохраняет производящая основа при присоединении проприетивных и привативных аффиксов, и на основании этого проследить, с одной стороны, разницу между проприетивными и привативными и, с другой стороны, между атрибутивными и адвербальными производными. На основании этих свойств предполагается определить категориальный статус рассматриваемых показателей.

Описываются следующие свойства показателей и их дериватов:

1. Имеют ли показатели фонетические ограничения на производящую основу;
2. К основам каких лексических классов, помимо существительных (и подклассам внутри существительных), они присоединяются;
3. Совместимы ли показатели со словоизменительным маркированием основы — по числу и посессивности;
4. Присоединяются ли показатели к составляющей, и если да, то какие типы зависимых могут быть в ней;
5. Какие позиции в клаузе способны занимать дериваты с этими показателями.

Данная тема представляет интерес для исследования, во-первых, потому, что мне неизвестны специальные обобщающие работы по уральским языкам, посвященные рассматриваемым аффиксам и их дериватам. Вместе с тем, как показано в [Kozlov 2020], большинство уральских языков обладают достаточно богатой системой атрибутивизаторов, среди которых выделяются в том числе проприетивные и привативные. Таким образом, даже в рамках одной языковой семьи можно найти достаточно материала для сопоставления. Поскольку я планирую изучать комплексные, небинарные характеристики показателей, внутригенетическое исследование [Kibrik 1998: 64–65] представляется подходящим для этого форматом.

Во-вторых, насколько мне известно, на данный момент не существует какого-либо строгого определения проприетива или приватива как типов словообразовательных (атрибутивизирующих) показателей. В работе будет предпринята попытка дать такое определение на основе описаний более изученных комитативных и каритивных показателей.

1.2. Методология

Языки, рассматриваемые в статье, были выбраны таким образом, чтобы по возможности охватить все ветви уральской языковой семьи (по классификации [Grünthal et al. 2022]): самодийские (тундровый ненецкий), мордовские (мокшанский), марийские (горномарийский), пермские (удмуртский), мансийские¹, хантыйские (в основном казым-

¹ В работе помимо данных северномансийского языка используются материалы восточно- и западномансийского идиомов, на данный момент исчезнувших. Хотя мансийские идиомы обычно не рассматриваются как отдельные языки, они описываются как таковые, например, в [Salminen 2010] (см. также сайт проекта «Языки России» ИЯз РАН <https://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Ob-Ugric.shtml>).

ский диалект северохантыйского, а также сургутский и юганский диалекты), прибалтийско-финские (финский). Невключенным остался венгерский язык, данные которого тем не менее обсуждаются отчасти в разделе 3, и саамские языки, которые я не рассматриваю ввиду ограниченности данных².

В исследовании используются данные из источников двух типов: описаний уральских языков — грамматик или предметных статей — и корпусов, если таковые имеются: [Salmiinen 2023] для тундрового ненецкого, [Архангельский, Медведева 2014] для удмуртского, [Кашкин и др. 2019] для горномарийского, [Skribnik 2017] для хантыйских и мансиjsких. Для тундрового ненецкого языка используются в том числе данные, собранные мной в ходе опроса носителей языка в 2022 г.³

Работа имеет следующую структуру. В разделе 2 выводятся рабочие определения проприетива и приватива, которыми я пользуюсь при выборе показателей для исследования. Раздел 3 посвящен описанию и анализу морфосинтаксических свойств показателей. В разделе 4 обсуждается категориальный статус проприетивных и привативных дериватов. Раздел 5 содержит заключение.

2. К определению проприетива и приватива

Синкетизм проприетива и комитатива, приватива и каритива, показанный в примерах (1–2), указывает на функциональную близость этих показателей. Хотя адвербиальные показатели изучены намного лучше, чем атрибутивные, см. [Schlesinger 1979; Stassen 2000; Lehmann, Shin 2005; Stolz et al. 2006; 2007; Архипов 2009], обсуждение первых в литературе нередко затрагивает и вторые. В этом разделе я, основываясь на существующих подходах к описанию комитатива и каритива, предложу рабочее определение соответствующих атрибутивизаторов.

2.1. Комитатив и проприетив

В работе [Stolz et al. 2006], посвященной выражению комитативно-инструментальных значений в 371 языке мира, приводится пример приименного использования соответствующего средства: румын. *desene cu șerpi* (рисунок:PL СОМ змея:PL) ‘рисунки со змеями’ [Ibid.: 32], где *cu șerpi* модифицирует вершину именной группы *desene*, не являясь, таким образом, самостоятельным участником в клаузе. Для таких контекстов в работе вводится особый тип отношений в клаузе — отношения внутри участника (intraparticipant relations). Два других типа: между участником и главным предикатом (participant relation) и между участниками (interparticipant relation), — были предложены в [Lehmann, Shin 2005: 27–28]. А. В. Архипов [2009: 80] выделяет приименные употребления комитативной группы в отдельный тип конструкции. Показатели, оформляющие такие конструкции, называются проприетивными.

В [Stolz et al. 2006] приводится (неисчерпывающий) перечень значений комитативно-инструментального семантического поля, которые авторы выделяют у немецкого предлога *mit* ‘с’.

² Несмотря на наличие весьма новых и подробных описаний, таких как грамматика южносаамского языка [Kowalik 2023], достаточного количества контекстов на исследуемые показатели не нашлось ни в них, ни в доступных корпусах.

³ Данные собраны методом элицитации (перевод предложений с русского на тундровый ненецкий) в письменном виде от двух носительниц языка, проживающих в Салехарде и Нарьян-Маре соответственно.

Таблица 1

**Некоторые значения комитативно-инструментального поля
(по [Stoltz et al. 2006: 41–42])**

№	Пример ситуации	Значение
1	<i>Agnes trinkt mit Werner Kaffee.</i> ‘Агнес пьет кофе с Вернером’.	СОВМЕСТНОЕ ДЕЙСТВИЕ
2	<i>Agnes unterhält sich mit Werner.</i> ‘Агнес разговаривает с Вернером’.	РЕЦИПРОКАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ
3	<i>Agnes geht mit ihrer Tochter spazieren.</i> ‘Агнес гуляет со своей дочерью’.	СПУТНИК-ЧЕЛОВЕК
4	<i>Agnes geht mit ihrem Hund spazieren.</i> ‘Агнес гуляет со своей собакой’.	ОДУШЕВЛЕННЫЙ СПУТНИК
5	<i>Agnes geht mit dem Regenschirm nach draußen.</i> ‘Агнес выходит на улицу с зонтиком’.	НЕОДУШЕВЛЕННЫЙ СПУТНИК (КОНФЕКТИВ)
6	<i>Agnes kommt mit roten Augen vom Friedhof zurück.</i> ‘Агнес возвращается с кладбища с красными глазами’.	ВРЕМЕННОЕ СВОЙСТВО (ОРНАТИВ)
7	<i>Agnes trinkt immer Kaffee mit Milch.</i> ‘Агнес всегда пьет кофе с молоком’.	КОМБИНАЦИЯ
8	<i>Die Agnes mit den braunen Augen wohnt woanders.</i> ‘Агнес с карими глазами живет в другом месте’.	ЧАСТЬ ЦЕЛОГО / ПОСТОЯННОЕ СВОЙСТВО
9	<i>Die Agnes mit dem Porsche hat keinen Führerschein.</i> ‘У Агнес с «порше» нет водительских прав’.	СОБСТВЕННОСТЬ
10	<i>Agnes terrorisiert mit ihren Kindern die Nachbarschaft.</i> ‘Агнес пугает соседей своими детьми’.	ИНСТРУМЕНТ-ЧЕЛОВЕК
11	<i>Agnes schreibt den Brief mit der linken Hand.</i> ‘Агнес пишет письмо левой рукой’.	ИНСТРУМЕНТ — ЧАСТЬ ТЕЛА
12	<i>Agnes kommt mit dem Bus vom Friedhof zurück.</i> ‘Агнес возвращается с кладбища на автобусе’.	СРЕДСТВО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ
13	<i>Agnes baut ein Haus mit Legosteinen.</i> ‘Агнес строит дом из кубиков «лего»’.	МАТЕРИАЛ
14	<i>Agnes schlägt das Fenster mit dem Hammer ein.</i> ‘Агнес разбивает окно молотком’.	ИНСТРУМЕНТ

Базовое противопоставление в этом поле наблюдается между собственно комитативными (1–9) и инструментальными (10–14) контекстами. Так, почти 65 % рассмотренных авторами языков различают комитативный и инструментальный показатели [Ibid.: 102–104]. При этом даже языки, имеющие один показатель для комитатива и инструменталиса на уровне клаузы, скорее будут использовать другие средства в приемленной позиции: например, в турецком существует один показатель адвербиональных комитатива и инструменталиса -(i)lE, но в атрибутивной функции используется другой показатель -lI [Ibid.: 49–50].

Таким образом, проприетив можно предварительно определить как приемленную категорию, кодирующую отношения из области комитативно-инструментального поля между главным участником, являющимся вершиной именной группы, и второстепенным, который выражен в качестве зависимого вершины. Отличие проприетива от комитатива и инструменталиса заключается в том, что первый кодирует отношения внутри участника, тогда как вторые — между участниками или между участником и предикатом. Отличие проприетивной конструкции от посессивной, в свою очередь, состоит в том, что в первой обладатель является вершиной, а обладаемое — зависимым вершиной,

тогда как во второй — наоборот: ср. англ. *horn-ed cow* (рог-PROPR корова) ‘рогатая корова’ и *cow’s horn* (корова-POSS рог) ‘рог коровы’. Основное различие между посессивной и проприетивной конструкциями, таким образом, заключается в том, какой участник используется для референции к другому [Lehmann, Shin 2005: 31; Архипов 2009: 211].

Это определение, однако, требует некоторых уточнений. Во-первых, представляется, что инструментальные отношения, связывающие участника и предикат, могут выражаться при имени только в тех случаях, когда вершиной именной группы является предикатное имя, как в следующем примере из немецкого:

- (3) *Der Schlag mit dem Hammer traf ihn unerwartet.*
 DET удар COM/INS DET:DAT молоток встречать.PST.3SG ОН.АСС неожиданно
 ‘Удар молотком настиг его внезапно’. [Stolz et al. 2006: 25]

Во-вторых, отношение материала, которое выделяется в [Stolz et al. 2006: 158] среди инструментальных (см. таблицу 1), но способно связывать двух участников, а не участника и предикат (как в предложении *Агнес рушит дом из кубиков*), я также не буду относить к проприетивным. Включение в исследование дериватов со значением материала привело бы к значительному расширению списка исследуемых морфем, в том числе за счет таких, которые не образуют дериватов с более, как представляется, центральным проприетивным значением, таким как собственность.

В-третьих, среди собственно комитативных отношений, по-видимому, не все в равной степени способны выражаться в приименной позиции. Так, в контекстах с активным второстепенным участником (co-operative, reciprocal, active comitative), как правило, характеризуется ситуация, а не главный участник, тогда как в других контекстах (possession, part-whole, combination) отношения внутри участника более ожидаемы. Так, в некоторых неродственных языках северо-восточной Евразии выделяются следующие значения, свойственные проприетивным показателям, которые так или иначе имеют посессивную семантику:

1. **Собственность:** якут. *massiipa-laax kih* (машина-PROPR человек) ‘человек, имеющий машину’ [Ebata 2014: 26];
2. **Часть-целое:** айютор. *rənna-lʔə-n* (рог-PROPR-ABS.SG) ‘рогатого (увидел)’ (субстантивное употребление) [Nagayama 2014: 45];
3. **Временное обладание:** эвен. *aawu-lkan bej* (капюшон-PROPR мужчина) ‘мужчина в капюшоне’ [Kaji 2014: 40];
4. **Родственные отношения:** якут. *oko-loox* (ребенок-PROPR) ‘имеющий ребенка’ [Ebata 2014: 23].

А. В. Архипов [2009: 212] также определяет проприетивные показатели как выражющие «в первую очередь посессивные отношения». Не исключая употребления проприетивных показателей в других комитативных значениях, я буду считать выражение посессивных отношений прототипическим свойством проприетива.

Итак, **проприетивом** я буду называть категорию, кодирующую в первую очередь посессивные отношения между главным участником, являющимся вершиной именной группы, и второстепенным, который представляет собой зависимое вершины⁴.

⁴ Один из рецензентов замечает, что контексты с проприетивным дериватом в предикативной позиции (*Мужчина стал бородатым*) не подпадают под такое определение. Действительно, определение строится исходя из (прототипической для лексем со значением признака) позиции атрибутивного зависимого при вершине (*бородатый мужчина*). Способность проприетивных и привативных дериватов употребляться в предикативной позиции, на мой взгляд, вторична и зависит в том числе от того, какие именные предикаты допустимы и как оформляются в конкретном языке.

2.2. Каритив и приватив

В работе [Stolz et al. 2007: 66–68] приводится определение каритива (авторы используют термин «абессив») как показателя, кодирующего отсутствие комитативных и инструментальных отношений. Являясь отрицательным коррелятом так называемой макрокатегории комитатива / инструменталиса, каритив оказывается концептуально более сложным, чем каждая из этих категорий в отдельности. Отмечается также семантическая сложность: каритив, помимо выражения отношения соприсутствия, имеет также отрицательный компонент значения. Типологическое исследование, проведенное авторами, показало, что каритив чаще, чем комитатив / инструменталис, выражается большим количеством языкового материала и менее грамматикализованными показателями: так, (связанными) морфемами в выборке выражается 60 % комитативных и 40 % каритивных показателей, и в большинстве случаев каритивные показатели состоят из большего числа элементов (морфем, слов, фонем), чем комитативные [Ibid.: 84].

Комитатив / инструменталис и каритив, таким образом, находятся в оппозиции, в которой последний является маркированной категорией как семантически, так и с точки зрения способа выражения. Это утверждение основывается как минимум на двух представлениях о маркированности. Во-первых, это семантическая маркированность в терминах [Jakobson 1971]: понятие каритива включает дополнительный, отрицательный, компонент значения. Во-вторых, это маркированность как сравнительная (морфологическая) сложность (см. [Croft 1996: 91]), или же, в более широком смысле, выраженность большим количеством языкового материала. При этом Т. Штольц и соавторы [2007] рассматривают и другие свойства комитатива и каритива, которые могут говорить о маркированности последнего, например, то, что различия между собственно комитативом и инструменталисом обычно нивелируются под отрицанием [Stolz et al. 2006: 167]. Заметим, что в статье обсуждались только адвербальные средства, поэтому неизвестно, наблюдается ли подобная оппозиция между атрибутивными показателями проприетива и приватива.

Типологическое определение каритива дается в статье [Оскольская и др. 2020]. Согласно ему, каритив описывает невовлеченность в ситуацию второстепенного участника. Соответствующий показатель может модифицировать либо ситуацию (*Лужи высохли без солнца*), либо другого участника (*Иван пришел без денег*) [Ibid.: 21–22]. Под модификацией ситуации, по-видимому, понимается отношение между участником и предикатом по [Lehmann, Shin 2005] и [Stolz et al. 2006], под модификацией участника — отношения между участниками. Приименные употребления каритива типа *безбородый мужчина* / *мужчина без бороды*, описывающие отношения внутри участника, предлагается рассматривать наравне с адвербальными и использовать для них тот же термин [Оскольская и др. 2020: 14].

Таким образом, приватив, как и проприетив, может определяться как показатель, кодирующий отношение внутри участника — в данном случае значение отсутствия, невовлеченности. Закономерный вопрос, возникающий в этой связи: как определить спектр привативных контекстов, и будет ли он шире, чем у проприетива, вследствие большей широты каритивных значений по сравнению с комитативными? Представляется, что употребление в приименной позиции накладывает на привативные производные те же ограничения, что были описаны выше для проприетивных. Так, инструментальные значения возможны, по-видимому, только при модификации отглагольного имени: *удар без молотка* (ср. (3)), поскольку инструментальный участник связан отношением с ситуацией, а не другим участником. Что касается значений материала (*дом без камня*), то здесь я руководствуюсь теми же принципами, что в случае с проприетивом. Итак, хотя я не исключаю, что спектр значений, покрываемых проприетивными и привативными дериватами в конкретном языке, может различаться, я определяю **приватив** симметрично проприетиву — как категорию, выражающую отсутствие в первую очередь посессивных отношений между

главным участником, являющимся вершиной именной группы, и второстепенным, который представляет собой зависимое вершины.

3. Морфосинтаксические свойства показателей проприетива, приватива и смежных категорий

В этом разделе я приведу классификацию показателей проприетива, приватива и смежных категорий (комитатива и каритива) в уральских языках на основе морфосинтаксических свойств показателей и образуемых с их помощью дериватов.

Как уже упоминалось выше (см. примеры из бурятского (1–2)), один и тот же дериват может употребляться как в атрибутивной, так и в адвербальной позициях. Это верно и для некоторых уральских языков. Так, в удмуртском падежные показатели инструменталиса *-en* (*-jn* в формах множественного числа) и каритива *-tek*, наряду с другими падежами в этом языке, могут маркировать приименные определения: *l'öl'-es'kuar-jos-jn pispu-os* (розовый-PL лист-PL-INS дерево-PL) ‘деревья с розовыми листьями’ [Перевощиков и др. 1962: 104], *vu-tek grafin* (вода-CAR графин) ‘графин без воды’ [Там же: 100]. Похожая ситуация наблюдается в мокшанском языке, где в роли показателя каритива и приватива выступает один показатель *-fəmə* [Холодилова 2018: 131, 276]. Суффиксы каритива *-tal* в мансийских языках и *-li* / *-ləy* в казымском хантыйском многофункциональны и образуют как атрибутивные, так и адвербальные формы, а также отрицательные формы глаголов (по данным корпуса [Skribnik 2017]). Для таких показателей далее используются обозначения «СОМ/PROPR» и «CAR/PRIV».

Всего были собраны данные о 38 показателях, из которых 29 являются связанными морфемами (к ним относятся все проприетивные и привативные средства). Показатели распределяются по категориям следующим образом:

Таблица 2

Категория	Глосса	Число показателей
Проприетив	PROPR	14
Приватив	PRIV	4
Комитатив	СОМ	9 (из них 3 — связанные морфемы)
Каритив	CAR	6 (из них 3 — связанные морфемы)
Комитатив/проприетив	COM/PROPR	1
Приватив/каритив	CAR/PRIV	4

К **первому типу** относятся показатели, которые присоединяются только к основе, но не к составляющей. Они могут иметь фонологические ограничения на производящую основу: так, мокшанский проприетив *-i* присоединяется только к «односложн[ому] корн[ю] с гласным переднего ряда»: *ver'-i* (кровь-PROPR) ‘в крови’ [Козлов, Козлов 2018: 52]. Такие средства можно считать словообразовательными в привычном понимании, поскольку они оперируют на уровне слова, но не составляющей.

Таблица 3

Показатели 1-го типа

Глосса	Показатели	Доля из связанных морфем
PROPR	<i>-i</i> в мокшанском, <i>-lyuŋk°</i> в тундровом ненецком, <i>-kAs</i> в финском	3/14
PRIV	<i>-tOn</i> в финском	1/4

Ко **второму типу** я отношу показатели, присоединяющиеся только к составляющей. Такие средства в выборке были обнаружены только в мансийских и хантыйских языках.

Таблица 4

Показатели 2-го типа

Глосса	Показатели	Доля из связанных морфем
PROPR	<i>-p</i> в хантыйских, <i>-p</i> в мансийских	2/14

К тому же типу относится венгерский атрибутивизатор *-Ú*, который подробно описывается в [Kozlov 2020: 11–14]. В этой работе исключительно групповой характер аффиксации объясняется с точки зрения пресуппозиции обладания. С помощью таких показателей, как венгерский *-Ú* (а также, по-видимому, хантыйский и мансийский *-p*), сообщается дополнительная информация об обладаемом, наличие которого в ситуации заведомо подразумевается, и поэтому отсутствие зависимых у производящей основы неграмматично. Ожидаемо, что такие показатели должны употребляться главным образом с частями тела, обладание которыми является нормой. Подобные контексты, действительно, достаточно частотны: венг. *nagy-szár-v-ú bika* (большой-рог-PROPR бык) ‘большегорый бык’, вост.-ман. *low to:l-əp ne*: (десять палец-PROPR женщина) ‘женщина с десятью пальцами’ [Skribnik 2017]. Однако как в венгерских примерах из [Kozlov 2020], так и в данных из мансийских и хантыйских корпусов, встречаются и другие типы обладания: венг. *A fehér ruhá-jú tengerész* (DEF белый платье-PROPR моряк) ‘моряк в белом платье’ [Ibid.: 12], зап.-ман. *jærəx ki:n-pæ o:tər* (шелк пуговица-PROPR князь) ‘князь с шелковыми пуговицами’ [Skribnik 2017], каз. хант. *aq ńawrem-əp imi* (маленький ребенок-PROPR женщина) ‘женщина с маленьким ребенком’ [Cheremisinova 2020: 6].

В **третий и четвертый типы** выделяются показатели, способные присоединяться как к составляющей, так и к немодифицированной основе. Показатели третьего типа сохраняют ограниченные именные свойства производящей основы: она может присоединять зависимое прилагательное или числительное, но не посессор или указательное местоимение. Такие показатели не присоединяются к основе, маркированной по посессивности.

Таблица 5

Показатели 3-го типа

Глосса	Показатели	Доля из связанных морфем
PROPR	<i>-o</i> в удмуртском, <i>-(i)nen</i> и <i>-llinen</i> в финском, <i>-η</i> в хантыйском	4/14
PRIV	<i>-syə(-da)</i> в тундровом ненецком	1/4
СОМ	<i>-ne</i> в финском	1/3
CAR	<i>-ttA</i> в финском	1/3

К **четвертому типу** относятся показатели, сохраняющие значительную часть именных свойств основы: они могут присоединяться к составляющей с зависимым посессором, указательным местоимением или квантором. В этот же тип выделяются аффиксы, присоединяющиеся к основе, маркированной по посессивности, именам собственным и личным местоимениям, то есть к именной группе с высоким референциальным статусом.

Таблица 6

Показатели 4-го типа

Глосса	Показатели	Доля из связанных морфем
PROPR	<i>-sawey⁰</i> в тундровом ненецком, <i>-u / -v</i> в мокшанском, <i>-An</i> в горномарийском	3/14
PRIV	<i>-dəməd / -dəmə</i> в горномарийском	1/4
COM	<i>-sawey⁰-h, -xəna</i> в тундровом ненецком	2/4
CAR	<i>-syiq</i> в тундровом ненецком, <i>-de</i> в горномарийском	2/3
COM/PROPR	<i>-en</i> в удмуртском	1/1
CAR/PRIV	<i>-fəmə</i> в мокшанском, <i>-tal</i> в мансийских, <i>-tek</i> в удмуртском	3/4

Некоторые показатели, присоединяющиеся как к немодифицированной основе, так и к составляющей, не получается отнести к 3-му или 4-му типам из-за недостатка данных: это проприетивные суффиксы *-i* в хантыйских и *-y* в мансийских, удмуртский приватив *-tem* и хантыйский суффикс приватива/каритива *-ti / -tøy*.

Можно заметить, что показатели 1-го и 2-го типов, как правило, существуют в языке вместе с показателями 3-го и 4-го типов. Так, в тундровом ненецком языке наряду с проприетивом *-lyajk⁰* имеется проприетив *-sawey⁰*, который можно отнести к 4-му типу; мокшанский проприетив *-i* существует с показателем 4-го типа *-u / -v*. В финском языке помимо суффикса *-kAs* (и подобных ему не- и малопродуктивных проприетивных суффиксов) существуют показатели 3-го типа *-(i)nen* и *-linen*. Кроме того, в финском языке, где отсутствуют показатели каритива 3-го и 4-го типов, тем не менее есть предлог *ilman*, который употребляется в контекстах, невозможных для морфологического каритива: **hyvää-tä syytää* (хороший-CAR причина-CAR) ‘без хорошей причины’ [VISK: 1261], но *okilman hyvää-ä syytää* (без хороший-PART причина-PART) [Glosbe]. В хантыйских и мансийских языках проприетив *-p* (2-й тип) существует с проприетивом *-y* (3-й тип): вост.-манс. *søəmət-əy kʷæl* (угол-PROPR дом) ‘дом с углами, угловатый дом’ [Skribnik 2017]

Распределение показателей по типам представлено в таблице 7. После знака «+» указано число показателей, не отнесенных к тому или иному типу ввиду недостатка данных.

Таблица 7

Распределение по типам проприетивных и привативных показателей
и показателей смежных категорий

Тип	PROPR	COM/PROPR	PRIV	CAR/PRIV	COM	CAR
1 только без зависимых	3		1			
2 только с зависимыми	2					
3 adj, numr	4		1		1	1
4 adj, numr, possr, dem	3	1	1	3	2	2
Всего	12 + 2	1	3 + 1	3 + 1	3	3

На основании таблицы 7 и приведенной классификации можно сделать следующие выводы.

1. Приватив и каритив чаще выражаются одним показателем, чем проприетив и комитатив.
2. Проприетивные средства более многочисленны, чем привативные. Нередко в одном языке есть два проприетивных показателя с различными морфосинтаксическими свойствами, но только один привативный.

Это позволяет утверждать, что проприетив и приватив связаны маркированным отношением, которое постулируется в [Stolz et al. 2007] для комитатива и каритива. Привативные средства менее разнообразны, приватив реже выражается особым показателем и потому является маркированным членом оппозиции.

3. В то время как проприетивные показатели распределяются сравнительно равномерно по всем типам, привативные, а также совмещающие функции привативных и каритивных, за исключением финского суффикса *-iOn*, сосредотачиваются в 3 и 4 типах.

На первый взгляд, это противоречит выводам о маркированности приватива, приведенным выше, поскольку маркированная категория имеет более широкую сочетаемость и встречается в большем числе грамматических контекстов (см. [Croft 1996: 98]). Однако, как было показано выше, проприетивные показатели 1-го и 2-го типов существуют в языках, располагающих также средствами 3-го и 4-го типов, то есть на уровне языковой системы проприетив не уступает привативу в сочетаемостных свойствах. Таким образом, при анализе важно учитывать не только свойства отдельных показателей, но и их роль в системе в целом.

4. Комитативные и каритивные показатели, выраженные связанными морфемами, как правило, имеют меньше ограничений на зависимые производящие основы, чем атрибутивные показатели. Комитатив и каритив в прилагольной позиции часто выражаются адложными средствами.

Это свидетельствует о том, что именная группа, занимающая атрибутивную позицию, имеет больше ограничений на структуру, чем именная группа в прилагольной позиции. Мои данные позволяют проверить это утверждение только для тех языков, где показатели атрибутивных и адвербальных категорий различаются. Однако не исключено, что в тех языках, где в атрибутивной и адвербальной позиции используются дериваты, образованные с помощью одного показателя, также могут наблюдаться ограничения на структуру атрибутивизируемой ИГ.

5. Комитатив чаще, чем каритив, выражается адложными средствами.

Это противоречит результатам типологического исследования в [Stolz et al. 2007] (см. раздел 2.2), согласно которому каритив как маркированная категория чаще выражается несвязанной морфемой, чем комитатив. Такая статистика объясняется выводом 1: поскольку в категории каритива чаще совпадают приименные и прилагольные показатели, они чаще выражаются связанный морфемой, в то время как адложная группа в атрибутивной позиции, как правило, не употребляется. Это еще раз подтверждает то, что при анализе следует учитывать систему в целом, включая показатели смежных категорий.

6. Показатели 3-го типа, в отличие от показателей 4-го типа, как правило, присоединяются только к основам нарицательных существительных.
7. Не все показатели 4-го типа могут присоединяться к основе со словоизменительным маркированием. При этом числовое и посессивное маркирование основы по-разному допустимы в разных языках: в то время как мокшанский каритив/приватив *-fämä* присоединяется к основе с посессивным, но не числовым аффиксом, горномарийский приватив *-dämä* / *-dämä* проявляет обратные свойства⁵.

⁵ Различия в сочетаемости показателей, по крайней мере в некоторых случаях, объясняются скорее особенностями числового и посессивного маркирования в языке в целом, чем свойствами отдельных (проприетивных или привативных) показателей. Так, в мокшанском языке только формы ядерных падежей (номинатива, генитива и датива) могут быть маркированы по числу, тогда как посессивное маркирование допускается также на формах пространственных падежей и каритива [Холодилова 2018: 86].

Таким образом, ограничения на производящую основу образуют следующую иерархию: большинство показателей присоединяются к составляющей, имеющей зависимое прилагательное или числительное; реже допускаются зависимый посессор и указательное местоимение, а также присоединение к несубстантивной основе; лишь некоторые показатели присоединяются к основе со словоизменительным маркированием.

Морфосинтаксические свойства форм и дериватов, образованных с помощью показателей проприетива, приватива и смежных категорий, в рассмотренных мной уральских языках приведены в таблице 8. К ним относятся:

1. Отсутствие фонологических ограничений на производящую основу (no phon restr);
2. Возможность присоединяться к подклассам именных основ (помимо нарицательных существительных):
 - 2.1. Именам собственным (proper),
 - 2.2. Личным местоимениям (pers pron),
 - 2.3. Указательным, вопросительным и прочим местоимениям (other pron);
3. Возможность словоизменительного маркирования на производящей основе (infl):
 - 3.1. По числу (num),
 - 3.2. По посессивности (poss);
4. Типы зависимых, способных модифицировать производящую основу:
 - 4.1. Прилагательное (adj) или немаркированное существительное (juxt),
 - 4.2. Числительное (numtr),
 - 4.3. Лексический/местоименный посессор (possr),
 - 4.4. Указательное местоимение / квантор (dem / quant);
5. Синтаксическая позиция деривата:
 - 5.1. Атрибутивная (attr),
 - 5.2. Адвербиональная (adv);
6. Возможность присоединять падежный показатель (+case).

Цветовое выделение в ячейках таблицы 8 маркирует различные типы показателей. Показатели 1-го типа обозначаются красным цветом, 2 — голубым, 3 — желтым и 4 — зеленым цветом. Серым цветом выделяются средства, не являющиеся морфологически связанными показателями — предлоги и послелоги. Показатели, не имеющие цветового выделения, не получилось распределить между 3-м и 4-м типами ввиду недостатка данных. Знак «+» в ячейке означает, что соответствующее свойство отражается в грамматиках и/или подтверждается данными корпусов и/или носителей языка. Знак «-» означает отсутствие свойства, подтвержденное грамматиками, носителями или корпусными данными (в случае наличия достаточно большого корпуса⁶). Знак «?» отмечает отсутствие данных. Предположения, основанные на других свойствах показателя, отмечаются как «+?» и «-?» соответственно. Знак «±» означает, что свойства проявляются ограниченно, знаком «+!» маркируются свойства, обязательные для данного показателя.

⁶ В первую очередь имеются в виду корпуса удмуртского [Архангельский, Медведева 2014] (9,57 миллионов словоупотреблений) и горномарийского языков [Кашкин и др. 2019] (63522 словоупотребления).

Таблица 8

Морфосинтаксические свойства форм и дериватов проприетива, приватива и смежных категорий

Язык	Глосса	Показатель	Производящая основа						Зависимые				Позиция	
			no phon restr	proper pers pron	other pron	infl num poss	adj / juxtap	numr	possr	dem / quant	attr	adv	+case	
тундровый ненецкий	<i>-sawey^o</i>	+	—	—	+	—	+	+	—?	+	+	—	?	
	<i>-tjan^ok^o</i>	+	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	+	
ком	<i>-sawey^o-h</i>	+	—	—	+	?	—?	+	+	+	—	+	—	
	<i>-xena</i>	+	+	—	+	+	+	+	+	+	—	+	—	
PRIV	<i>nyah⁸</i>	?	?	+	—	—	+	?	—	?	+	—	+	
	<i>-sy^o(-da)</i>	+	?	?	+	—	—	+	?	—	+	—	+	
CAR	<i>-syiq</i>	+	+	+	+	?	?	+	+	+	—	+	—	
	<i>-u / -v</i>	+	—	—	—	—	—	+	?	+	—	—	+	
мокшанский	<i>-i</i>	—	—	—	—	—	—	—	—?	—	?	+	—	
	<i>martə</i>												?	
COM	<i>mar^o</i>	+	+	+	—	—	—	—	—?	—	?	+	—	
	<i>an / -ān</i>	+	?	+	—	—	—	+	?	?	+	—	+	
COM	<i>don(o)</i>										+	—	+	
	<i>-dāmā / -dāmād</i>	+	?	?	+	—	—	+	+	+	+	—	+	
горно- марикий	<i>-de</i>	+	?	—	+	+	+	+	?	+	+	—	—	
	<i>gəčs rasna</i>													

⁷ Я не рассматриваю употребления дериватов в аргументной позиции, поскольку это свойство (в форме, немаркированной по падежу) было обнаружено только у комитативных производных на *-sawey^o-h* в тундровом ненецком языке, которые употребляются в функции пациентивного (в некоторых контекстах инструментального) участника: *sya-sawey^o-h mas^o-q* (лицо-СОМ-АДВ УМЫТЬ-REFL.3SG) ‘он умылся’ [Salmireen 2023].

⁸ В работе не рассматриваются морфосинтаксические свойства адъюнктивных показателей, поскольку предполагается, что они не имеют ограничений, свойственных морфемам. Тем не менее, адлоги отражены в таблице, чтобы система каждого языка была представлена полностью.

4. Категориальный статус проприетивных и привативных показателей

4.1. Теоретические подходы

Одним из свойств словообразования, в отличие от словоизменения, является изменение класса основы [Haspelmath 2024: 54]. Проприетив и приватив, таким образом, подпадают под определение словообразовательной категории. Однако, как было показано в разделе 3, для многих проприетивных и привативных дериватов характерна синтаксическая доступность производящей основы, ее способность присоединять зависимые. Наиболее очевидным и во многих отношениях удобным подходом является отнесение таких показателей к разряду словоизменительных категорий — то есть присваивание им падежного статуса. Это решение особенно удачно в тех языках, где отношения на уровне клаузы и на уровне именной группы кодируются одним средством, то есть где комитатив и проприетив, каритив и приватив выражаются одним показателем. Если на уровне клаузы показатель обладает полным набором падежных свойств, релевантным для данного языка, то и на уровне именной группы логично считать его полноценным падежным показателем. Тем не менее, я не вижу (терминологических) препятствий и для того, чтобы считать падежным показатель, который кодирует отношения только внутри именной группы⁹.

Несмотря на удобство анализа проприетивных и привативных показателей как словоизменительных категорий, этот подход с трудом применим в тех случаях, когда рассматриваемая морфема не обладает большинством необходимых падежных свойств. Так, в тундровом ненецком языке проприетивный показатель *-sawey*⁹, в отличие от падежных морфем в этом языке, не присоединяется к именам собственным: **Wera-sawey*⁹ ожид. ‘с Вэрой’ [Nikolaeva 2014: 34], не сочетается с числовым и посессивным маркированием производящей основы: **nyūsya-da-sawey*⁹ (отец-POSS.3SG-PROPR) ожид. ‘с его/её отцом’ [Ibid.], *nyudy-a-q xalya-sawey*⁹ *to* (маленький-PL рыба-PROPR озеро) ‘озеро с мелкой рыбой’ [Ibid.: 35]. В то же время, как показывает последний пример, этот показатель может оформлять составляющую. Таким образом, проприетив в тундровом ненецком языке занимает промежуточное положение между словоизменительной и словообразовательной категорией¹⁰.

Существует более десятка критерий, отличающих словоизменение от словообразования с точки зрения морфологии, синтаксиса и семантики (см., например, обсуждение основных из них в [Haspelmath 2024: 54–61]). Так, принято считать, что словоизменительные категории обусловлены синтаксически, менее связаны со значением корня и более абстрактны, а соответствующие показатели располагаются дальше от корня, чем словообразовательные и т. д. Поскольку проверка показателя по этим критериям нередко дает противоречивые результаты [Ibid.: 99], многие исследователи склоняются к тому, что противопоставление словообразования и словоизменения континуально [Bybee 1985; Plank 1994].

Среди прочего, считается, что словоизменение, в отличие от словообразования, не изменяет частеречной принадлежности лексемы. С этим спорит М. Хаспельмат [Haspelmath 1996], показывая, что причастия, масдары (глагольные номинализации) и некоторые атрибутивизации регулярны, продуктивны и применимы ко всем лексемам соответствующего

⁹ См., например, определение в [Плунгян 2003: 161–162], согласно которому, падеж — это словоизменительная категория, маркирующая отношение управления на зависимых.

¹⁰ Термин «падеж», разумеется, в рамках конкретного описания может применяться и нестрого, в том числе к показателям, не проявляющим всех свойств ядерных падежей в данном языке. В этом разделе речь пойдет в первую очередь о тех случаях, когда по той или иной причине такое решение представляется несостоятельным.

класса, что сближает их со словоизменительными категориями. Автор вводит для таких явлений термин «word-class-changing inflection» (словоизменение, меняющее часть речи).

Проблема описания проприетивных и привативных атрибутивизаторов заключается еще и в том, что производная лексема частично сохраняет свойства исходной: как было показано выше, производящая основа нередко может присоединять зависимые прилагательные и числительные. Существует два подхода к описанию таких явлений.

Первый предполагает, что в таких случаях аффикс присоединяется не к основе, а к составляющей, то есть не на морфологическом / лексическом, а на синтаксическом уровне. Так, к примеру, анализируются проприетивные и привативные показатели в тюркских и монгольских языках, в частности, в бурятском, ср. *[табан набаша]-тай сэсэг* ([пять лист]-PROPR цветок) ‘цветок с пятью лепестками’ [Гращенков 2015: 7]. Такой подход, однако, не позволяет описать явление проприетивного согласования в эвенкийском языке, как в примере *gugda-či iugu-či bira* (высокий-PROPR берег-PROPR река) ‘река с высокими берегами’ [Nikolaeva 2008: 981], поскольку согласование с зависимым предполагает, что аффикс присоединяется непосредственно к вершине.

Второй подход, предлагаемый в [Nikolaeva 2008], заключается в том, что проприетивные (и привативные) производные представляют собой смешанные категории (mixed categories). С одной стороны, они ведут себя как прилагательные с точки зрения внешнего синтаксиса, употребляясь в атрибутивной позиции. С другой стороны, производящее имя сохраняет именные свойства, в частности способность присоединять определения [Ibid.: 989–990]. Для этого подхода представляет сложность групповая флексия в тюркских языках, при которой показатель присоединяется к сочинению двух именных групп, поскольку такие конструкции вряд ли удачно считать одной лексемой, ср. в казахском *дала жэне тау-лы flora-га* (степь и гора-АТТР флора-ДАТ) ‘степной и горной флоре’ [Гращенков 2015: 10].

В следующем разделе данные уральских языков будут рассмотрены с точки зрения синтаксической аффиксации и смешанных категорий.

4.2. Падежный статус показателей

При определении категориального статуса проприетивных и привативных показателей первый вопрос, который необходимо решить, — являются они словоизменительными или словообразовательными, то есть можно ли считать их падежными показателями, или же требуется описание в терминах синтаксических аффиксов или смешанных категорий.

Вопрос принадлежности аффиксов проприетива *-и* / *-и* и каритива/приватива *-ʃtəmə* (а также некоторых других) к категории падежа в **мокшанском языке** рассматривается в [Холодилова 2018]. Выделяются следующие критерии падежности [Там же: 82–85]:

1. Свободная допустимость при маркируемом существительном зависимых: прилагательного, числительного, генитивной формы имени, (см. (5));
2. Сочетаемость показателя со словоизменительными категориями числа и посессивности;
3. Отсутствие лексических и фонологических ограничений на основу;
4. Присоединение к основам личных и прочих местоимений.

Каритив *-ʃtəmə* практически полностью соответствует этим параметрам, за исключением сочетаемости с числовым маркированием. Это свойство отличает его от ядерных падежей — номитатива, генитива (падежа прямого объекта) и датива. Однако по сочетаемости с несубстантивными основами каритив оказывается выше в иерархии падежей, чем пространственные показатели: иллатив, инессив, элатив и пролатив [Там же: 86].

В мокшанском языке существует явление множественного падежного маркирования (case compounding, Suffixaufnahme; см. [Plank 1995]), при котором в качестве внутреннего падежа может выступать каритив (4), а также экватив и элатив.

- (4) — *kodamə pin’ə-n’d’i ton maks-ət’ jarcə-ma?*
 какий собака-DAT ты дать-PST.2SG есть-NZR
 — *ton maks-ən’ kodamə bəd’ə ftal-də-n’ pil’k-ftəmə-n’d’i.*
 я дать-PST.1SG какой INDEF за-ABL-GEN нога-CAR-DAT
 ‘— Какой собаке ты дал еду? — Я дал какой-то без задней ноги’. [Холодилова 2018: 321]

В той же позиции употребляется проприетивный показатель *-u* / *-v* (5). Он не считается падежом в [Холодилова 2018], но называется «формой, близкой к падежным», поскольку, хотя атрибутив может маркировать составляющие, он не сочетается с несубстантивными основами и посессивным маркированием.

- (5) — *kodamə d’ivan ton jorda-t’?*
 какий диван ты сбросить-PST.2SG
 — *katə-n’ pona-v-t’.*
 кошка-GEN шерсть-PROPR-DEF.SG.GEN
 ‘— Какой диван ты выбросил? — Тот, который в кошачьей шерсти’. [Там же: 322]

При определении падежного статуса проприетивных и привативных аффиксов в других уральских языках, таким образом, следует принимать во внимание следующее:

1. Способность аффикса оформлять составляющую;
2. Сочетаемость с такими несубстантивными основами, которые могут быть маркированы (другими) падежами в этом языке;
3. Сочетаемость с посессивным и числовым маркированием основы, если это возможно для других падежей в этом языке;
4. Возможность сочетания показателя с (другими) падежными аффиксами.

В случае, если в рассматриваемом языке существует явление множественного падежного маркирования, то последнее условие не позволяет сделать выводов в пользу или против падежного статуса показателя: в таком случае падежом может маркироваться как другая падежная форма, так и атрибутивный дериват в ситуации эллипсиса вершины. Если же множественного падежного маркирования в языке не наблюдается, то падежный показатель на рассматриваемом аффиксе должен скорее свидетельствовать против его падежного статуса¹¹.

В **удмуртском языке**, как и в мокшанском, наблюдается явление множественного падежного маркирования [Arkhangelskiy, Usacheva 2018]. В качестве внутреннего падежа может выступать, например, локатив:

- (6) *Bakc’ a.jemj̊-jos-lj dun-jos, pe, magaz’ in-in-les’ pic’i=ges.*
 овощи-PL-DAT цена-PL СИТ магазин-LOC-GEN2 маленький=COMP
 ‘Цены овощей [на рынке], говорят, ниже, чем в магазине’. [Ibid.: 122]

Падежный статус локатива *-in*, а также инструменталиса *-en* и каритива *-tek* зафиксирован, например, в грамматике удмуртского языка [Перевоцких и др. 1962] и подтверждается

¹¹ Разумеется, всегда остается вероятность, что рассматриваемый показатель в конкретном языке является единственным падежом, который может выступать в качестве внутреннего показателя при множественном падежном маркировании: в мокшанском языке в такой функции используются всего несколько падежных или близких к падежным показателей, тогда как общее число таких аффиксов составляет около 20; см. [Холодилова 2018: 86].

сочетаемостными свойствами показателей: способностью присоединяться к несубстантивной основе, посессивному и числовому маркированию, именной группе с различными типами зависимых: *ср. nyl-i-tek* (дочь-POSS.1SG-CAR) ‘без моей дочери’ [Hamari 2011: 48].

Статус показателей проприетива *-o* и приватива *-tem*, таким образом, должен определяться их сочетаемостными свойствами. Во-первых, для обоих показателей ограничено присоединение к несубстантивным основам (согласно данным корпуса [Архангельский, Медведева 2014]). Во-вторых, наблюдается несовместимость с посессивным, а в случае проприетива — и с числовым маркированием основы [Там же]. Следовательно, проприетив и приватив проявляют значительно меньше падежных свойств, чем явно падежные показатели инструменталиса и каритива. Можно либо считать их словоизменительными «формами, близкими к падежным», либо анализировать как показатели с промежуточным статусом. Однако в первом случае придется допустить, что в языке существует два словоизменительных показателя, маркирующих отсутствие обладания: каритив и приватив. Еще одно различие между ними, которое представляется важным, состоит в том, что форма приватива *-tem*, но не каритива *-tek*, может присоединять падежный показатель; см. пример из бесермянского удмуртского: *tal'inka-tem-ze* (блюдце-PRIV-POSS.3SG.ACC) ‘ту [чашку], которая без блюдца’ [Arkhangelskiy, Usacheva 2018: 121].

Множественное падежное маркирование также наблюдается в **горномарийском языке** [Привизенцева 2016]. В качестве внутреннего падежа может выступать генитив:

- (7) *Päšäsä-vlä pört leväš-äm kras-en šokt-en-äät*
рабочий-PL дом крыша-ACC красить-PRF[3SG] успеть-PRF-3PL
a škol-än-äm uke.
а школа-GEN-ACC NEG

‘Рабочие покрасили крышу дома, а школьную (крышу) не успели’. [Там же: 233]

В этой позиции также используются проприетивный показатель *-An* (8) и суффикс приватива *-dämä* / *-dämä* (9).

- (8) *šim plat'-an-lan kogoox̄rec-äät*
черный платье-PROPR-DAT тыква-ACC
‘Той, которая в черном платье, тыкву [вручает]’. [Кашкин и др. 2019]
(9) *t'et'-ä-vlä-dämä-m už-än-am*
ребенок-PL-CAR/PRIV-ACC видеть-PRET-1SG
‘Я видела бездетную (женщину)’. [Хомченкова 2022: 293]

Оба показателя присоединяются к основе с зависимым посессором или указательным местоимением, привативный аффикс к тому же допускает числовое (но не посессивное) маркирование производящей основы. Таким образом, хотя они не обладают полным набором падежных свойств, их статус достаточно близок к словоизменительному. При этом каритивный суффикс *-de* в горномарийском языке, согласно [Хомченкова 2022; 2023], обладает свойствами падежного маркера: как и другие падежи, он сочетается с числовым и падежным маркированием, присоединяется к несубстантивным основам и именным группам с различными типами зависимых.

Падежный статус проприетивных показателей *-är* и *-äj* в **казымском хантыйском** обсуждается в работе [Cheremisinova 2020]. Проприетивные суффиксы не сочетаются с числовым и посессивным маркированием, тогда как это возможно для падежей: *ime-t-a* (женщина-PL-DAT) ‘женщинам’, *im-əm-a* (женщина-POSS.1SG-DAT) ‘моей женщине / жене’ [Ibid.: 7]. Падежные показатели в казымском хантыйском присоединяются к основам вопросительных местоимений: *χij-a* (кто-DAT) ‘кому’ [Ibid.: 8], что также невозможно для проприетивных суффиксов. Эти обстоятельства затрудняют анализ показателей как падежных. Такой анализ представляется еще менее применимым к показателю *-är*, который присоединяется только к основам с зависимыми.

Суффиксы комитатива *-ne* и каритива *-ttA* в **финском языке** традиционно считаются падежными показателями [VISK 2008: 81], хотя, как показывает таблица 8, они лишены многих падежных свойств: так, комитатив присоединяется всегда к формам множественного числа, а каритив не может свободно присоединяться к основам с зависимыми [Ibid.: 1261]. Тем не менее они отличаются от проприетивных и привативных суффиксов в важном отношении: комитатив и каритив несовместимы с падежным маркированием. Проприетивные и привативные дериваты, напротив, согласуются в падеже с определяемым именем: *asee-llis-i-lle mieh-i-lle* (оружие-PROPR-PL-ALL мужчина-PL-ALL) ‘вооруженным мужчинам’ [Glosbe], а также присоединяют падежные показатели при эллипсисе вершины:

- (10) *Jakel-i-n eilen kortte-ja-ni kodi-ttom-i-lle.*
делить-PST-1SG вчера карточка-PART.PL-POSS.1SG ДОМ-PRIV-PL-ALL
'Раздавал вчера визитки бездомным'. [Ibid.]
- (11) *En tykkää makea-sta ja suola-ise-sta.*
NEG.1SG любить.CONNEG сладкий-ELA и соль-PROPR-ELA
'Не люблю сладкое и солёное'. [Ibid.]

Проприетивные производные, обозначающие градуальные признаки, также могут образовывать степени сравнения: *voima-kkaa-tta-t moottori-t* (сила-PROPR-COMP-PL двигатель-PL) ‘более мощные двигатели’ [Ibid.], что объединяет их с непроизводными прилагательными.

Проприетивные и привативные показатели в финском языке, таким образом, не являются падежных свойств. Суффиксы комитатива и каритива, несмотря на традиционное наименование, также не являются полноценными падежными показателями.

В **тундровом ненецком языке** однозначно определяется словообразовательный статус проприетива *-lyaqk*: он не присоединяется к составляющей, несубстантивным основам или основам со словоизменительным маркированием. Суффикс каритива *-sүә-* анализируется как вербализатор: *tyaq* ‘чум’ > *tya-sүә-* ‘быть без чума’ [Nikolaeva 2014: 37], атрибутивные формы на *-sүә-da* — как формы имперфективных причастий каритивных глаголов. Суффикс локатива/инструменталиса *-xәна*, выступающий в комитативной функции в некоторых контекстах, обладает всеми перечисленными выше падежными свойствами [Ibid.: 60, 63].

Другие показатели — проприетивный на *-sawey*⁰, производный от него комитативный на *-sawey-h* и каритивный *-syi^q* отличаются от падежных показателей прежде всего невозможностью присоединяться к основе со словоизменительным маркированием. Это свойственно не только этим суффиксам, но и, например, показателю эссива *-je⁰*, который в иных отношениях близок падежам — например, присоединяется к составляющей с зависимым посессором: *пүй-пүй пүе-je⁰* (сын-GEN.1SG женщина-ESS) ‘в качестве жены моего сына’ [Ibid.: 39]. Еще один близкий к падежным показатель — симилятив на *-rəxa*, который образуется от основ указательных и вопросительных (но не личных) местоимений: *tyukiə-r⁰xa* ‘как этот’, *xibya-rəxa* ‘как кто’, *xurka-rəxa* ‘как какой’ [Ibid.: 35], а также присоединяется к составляющей: *rəguyi^qe-pүа-q wenyako-r⁰xa-q* (быть.черным-РТСР.1PFV-PL собака-SIM-PL) ‘как черные собаки’ [Ibid.]. Формы эссива употребляются в адвербальной позиции, формы симилятива — в атрибутивной. Таким образом, в тундровом ненецком языке наблюдаются показатели, близкие к падежным, кодирующие отношения как на уровне именной группы, так и на уровне клаузы.

В рассмотренных уральских языках обнаруживается небольшое число строго атрибутивных (т. е. не совпадающих с комитативом и каритивом соответственно) проприетивных и привативных показателей, которые близки к словоизменительным: это проприетивный *-i / -v* в мокшанском, проприетивный *-An* и привативный *-dəməd / -dəmə* в горномарийском. Однако ни один из них не обладает падежными свойствами в полной мере. Более того, разные показатели в разной степени отклоняются

от словоизменительного прототипа: так, суффикс проприетива *-An* в горномарийском языке обладает меньшим числом падежных свойств, чем привативный *-dm / -dm*, который, в свою очередь, имеет ограничения на производящую основу в сравнении с падежным показателем каритива *-de*.

При этом в удмуртском языке существуют комитативные и каритивные показатели, дериваты которых употребляются как в адвербальной, так и в атрибутивной позиции и которые обладают полным набором падежных свойств. Каритивный/привативный показатель *-stəmə* в мокшанском языке по своим морфосинтаксическим свойствам ближе к (ядерным) падежам, чем проприетивный *-u / -v*. Таким образом, показателям комитатива и каритива в целом более свойствен падежный статус, чем проприетивным и привативным.

Замечу, что обладание неполным набором падежных свойств может быть характерно не только для комитатива, каритива и соответствующих атрибутивных показателей, но и для семантических падежей вообще по сравнению с грамматическими. Такая ситуация наблюдается в мокшанском языке, где иллатив, инессив, элатив и пролатив наряду с каритивом не различают числа производящей основы (подробнее о статусе этих падежей и каритива/приватива *-fštam* см. [Hamari 2012]). Таким образом, наблюдается континуум между словоизменением и словообразованием, внутри которого позицию ближе к словообразованию склонны занимать атрибутивные показатели по сравнению с адвербияльными (в том числе такими, дериваты которых способны занимать атрибутивную позицию) и семантические падежи по сравнению с грамматическими.

Показатели, занимающие промежуточное положение между словоизменительными и словообразовательными, могут анализироваться в рамках двух подходов: синтаксической аффиксации и смешанных категорий. Ниже я рассмотрю, насколько эти подходы применимы к материалу уральских языков.

4.3. Проприетивные и привативные аффиксы в терминах синтаксической аффиксации и смешанных категорий

Проприетивные и привативные аффиксы в рассмотренных уральских языках часто не сочетаются со словоизменительными показателями производящей основы — числовым и посессивным маркированием. То же ограничение наблюдается в селькупском языке (12), а также в тюркских языках, материал которых проанализирован в [Гращенков 2015], например, в казахском: **түк-тер-ти* (волос-PL-PROPR) ожид.: ‘волосатый’, *??түк-тер-сіз* (волос-PL-PRIV) ожид.: ‘безволосый’.

- (12) (**tərypn*) **mə:t-ty-symyl'* *qum*
 ОН.GEN ДОМ-ПОСС.3SG-PROPR МУЖЧИНА
 'мужчина с его [т. е. своим] домом' [Nikolaeva, Spencer 2007: 8]

В примере (12) запрет на посессивное маркирование основы подкрепляется запретом на зависимый посессор. Однако в уральских языках встречаются примеры, в которых ограничение на словоизменительное маркирование основы наблюдается при отсутствии соответствующего ограничения на составляющую. Так, в следующем примере из горномарийского суффикса каритива/приватива *-dəmə* / *-dəmə* не сочетается с посессивным показателем, но зависимый посессор при производящей основе грамматичен:

- (13) [Дед Мороз на празднике раздает всем подарки, кому-то успел, кому-то нет.]
 $mə̄n̄-̄n̄$ ^{ok}*podarka-d̄m̄* / **podarka-em-d̄m̄* / **podarka-d̄m̄-em*
 я-GEN подарок-CAR/PRIV подарок-POSS.1SG-CAR/PRIV подарок-CAR/PRIV-POSS.1SG

t'et'-ä-vlä mäj̃ do-k-em tol-äšt̃
 ребенок-PL я у-ПЛ2-POSS.1SG приходить-JUSS.PL

‘Пусть дети без моих подарков подойдут ко мне’. [Хомченкова 2022: 293]

При этом в другом контексте — например, при оформлении падежным показателем иинессива — основа с зависимым местоименным посессором получает посессивное маркирование: *mäj̃'-äñ vär-äšt̃-em* (я-GEN место-INE-POSS.1SG) ‘на моем месте’ [Кашкин и др. 2019].

Данные тундрового ненецкого языка позволяют увидеть обратную асимметрию: в [Nikolaeva 2014: 35] приводится пример опционального¹² числового согласования на зависимом производящей основы, но сама основа не может быть маркирована по числу:

- (14) *nyudya-q xalya-sawey^o to*
 маленький-PL рыба-PROPR озеро
 ‘озеро с мелкой рыбой’ [Nikolaeva 2014: 35]

Приведенные примеры показывают, что ограничение на словоизменительное маркирование основы имеет морфологическую, а не синтаксическую природу: в то время как вся составляющая может иметь признак числа или посессивности, атрибутивизирующий показатель — проприетива или приватива — не сочетается с соответствующим маркированием вершины. Это явление может затруднить анализ в терминах синтаксической аффиксации (или по крайней мере требует дополнительных шагов в объяснении), поскольку, как можно убедиться, аффикс взаимодействует непосредственно с маркированием производящей основы.

С другой стороны, описанные выше случаи представляют некоторую трудность и для подхода смешанных категорий. Так, в [Nikolaeva 2008: 993], а ранее в [Кузнецова и др. 1980: 194] (см. также подобные примеры в [Spencer, Nikolaeva 2017]) обсуждались показатели проприетива и координатива (‘размером с X’) в селькупском языке. Если симилятивный показатель *-symyl* не сочетается как с посессивным маркированием производящей основы, так и с зависимым посессором (хотя зависимое прилагательное допускается) (15a), то координатив *-šsal*’ допускает и то и другое (16).

- (15) a. *ont mɔ:s-symyl' qum*
 собственный дом-PROPR человек
 ‘человек с собственным домом’ [Nikolaeva 2008: 993]
- b. **mɔ:s-any-symyl'*
 дом-POSS.1SG-PROPR
 ‘с моим домом’ [Ibid.]
- (16) a. *uty-t tɔnty-ššal' po:*
 рука-GEN толщина-COORD дерево
 ‘дерево толщиной с рукой’ [Ibid.]
- b. *qaql-any-šal*
 нарта-POSS.1SG-COORD
 ‘величиной с мою нарту’ [Ibid.]

Ситуация с показателем приватива *-dämä* / *-dämä* в горномарийском и с проприетивом *-sawey^o* в тундровом ненецком — промежуточная между двумя случаями, которые иллюстрируются в (15a, 16). В (13) зависимый генитивный посессор при производящей основе указывает на то, что для нее семантически возможен посессивный контекст, а согласование

¹² В грамматике [Nikolaeva 2014] такие примеры единичны. Данных о том, как их грамматичность оценивается носителями языка, не приводится в грамматике и нет в моем распоряжении.

по числу на зависимом прилагательном в (14) — на то, что производящая основа (по крайней мере семантически) маркирована множественным числом. Однако в обоих случаях категория посессивности или числа не выражается на самой основе, маркированной атрибутивизатором. Таким образом, возникает задача объяснить не только то, какие именные свойства сохраняет имя при атрибутивизации, но и то, почему эти свойства могут выражаться на зависимых производящих основах, но не на самой основе.

5. Заключение

В работе проанализированы морфосинтаксические свойства проприетивных и привативных, а также комитативных и каритивных показателей в некоторых языках уральской языковой семьи.

Как правило, в этих языках выделяются специальные средства для выражения отношения обладания и отсутствия обладания в рамках именной группы. При этом приватив чаще не имеет собственного средства выражения (вместо этого используется каритивный маркер), чем проприетив. Кроме того, проприетивные средства более многочисленны и разнообразны по своим морфосинтаксическим свойствам. Таким образом, исследование показывает, что между атрибутивными показателями наблюдается отношение маркированной оппозиции, которое было ранее выявлено между комитативом и каритивом в [Stolz et al. 2007].

Проприетивные и привативные аффиксы в уральских языках, как правило, не имеют падежного статуса, но и не могут быть названы словообразовательными показателями, поскольку часто присоединяются к основе с зависимыми. При этом некоторые из них обнаруживают морфологические запреты, не сохраняющиеся на синтаксическом уровне, что затрудняет их анализ в терминах как синтаксической аффиксации, так и смешанных категорий. Данные уральских языков, таким образом, дополняют представление о показателях, занимающих промежуточное положение между словообразовательными и словоизменительными.

У атрибутивных дериватов наблюдается больше ограничений на производящую основу, чем у адвербальных. В частности, редко допускается высокий референциальный статус атрибутивизируемой именной группы. Можно предполагать, что это связано с употреблением в приименной позиции, то есть «внутри участника». Чтобы подтвердить это, необходимо дополнительно изучить свойства дериватов, которые могут употребляться как в атрибутивной, так и адвербальной позиции.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	DEF — определенность	PART — партитив
ABL — ablativ	DET — определенный артикль	PL — множественное число
ABS — абсолютив	ELA — элатив	POSS — посессивность
ACC — аккузатив	GEN — генитив	PRET — претерит
ADV — адвербализатор	GEN2 — второй генитив	PRF — перфект
ALL — аллатив	ILL2 — второй иллатив	PRIV — приватив
ATTR — атрибутивизатор	INDEF — неопределенность	PROPR — проприетив
CAR — каритив	INE — инессив	PRS — настоящее время
CIT — цитатив	INS — инструменталис	PST — прошедшее время
COM — комитатив	IPFV — имперфектив	PTCP — причастие
COMP — компаратив	JUSS — юссив	REFL — рефлексивная серия
CONNEX — коннегатив	LOC — локатив	SG — единственное число
COORD — координатив	NEG — отрицание	
DAT — датив	NZR — номинализация	

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Архангельский, Медведева 2014 — Архангельский Т. А., Медведева М. *Корпус удмуртского языка. 2014*. Электронный ресурс: http://udmurt.web-corpora.net/udmurt_corpus/search.
- Кашкин и др. 2019 — Кашкин Е. В., Белова Д. Д., Бурукина И. С., Винклер М. А., Давидюк Т. И., Данилова А. А., Демина Ю. М. и др. *Корпус горномарийских текстов. 2019*. Электронный ресурс: <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>.
- Glosbe — Мультиязычный онлайн-словарь Glosbe. Электронный ресурс: <https://glosbe.com/fi>.
- Salminen 2023 — Salminen T. *Tundra Nenets sample sentence corpus. 2023*. Electronic resource: https://www.mv.helsinki.fi/home/tasalmin/tn_corpus.html.
- Skribnik 2017 — Skribnik E. *Ob-Ugric Database: analysed text corpora and dictionaries for less described Ob-Ugric dialects. 2017*. Electronic resource: https://www.oudb.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=search_glossed_corpus.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Архипов 2009 — Архипов А. В. *Типология комитативных конструкций*. М.: Знак, 2009. [Arkhipov A. V. *Tipologiya komitativnykh konstruktsii* [Typology of comitative constructions]. Moscow: Znak, 2009.]
- Гращенков 2015 — Гращенков П. В. Комитатив и каритив в тюркских и монгольских языках: функции и возможная эволюция. *Урало-алтайские исследования*, 2015, 4(19): 7–16. [Grashchenkov P. V. Comitative and caritive in the Turkic and Mongolic languages: Their functions and potential evolution. *Ural-Altaic Studies*, 2015, 4(19): 7–16.]
- Козлов, Козлов 2018 — Козлов А. А., Козлов Л. С. Морфонология. Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. Толдова С. Ю., Холодилова М. А. (отв. ред.). М.: Буки Веди, 2018, 38–62. [Kozlov A. A., Kozlov L. S. Morphophonology. *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskem osveshchenii*. Toldova S. Yu., Kholodilova M. A. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2018, 38–62.]
- Кузнецова и др. 1980 — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. *Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект*. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. [Kuznetsova A. I., Helimski E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskii dialekt* [Essays on Selup. The Taz dialect]. Moscow: Moscow Univ. Press, 1980.]
- Оскольская и др. 2020 — Оскольская С. А., Заика Н. М., Клименко С. Б., Федотов М. Л. Определение каритива как сравнительного понятия. *Вопросы языкоznания*, 2020, 3: 7–25. [Oskolskaya S. A., Zaika N. M., Klimenko S. B., Fedotov M. L. Defining caritive as a comparative concept. *Voprosy Jazykoznaniya*, 2020, 3: 7–25.]
- Перевоцников и др. 1962 — Перевоцников П. Н. (отв. ред.). *Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология*. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1962. [Perevoshchikov P. N. (ed.). *Grammatika sovremenennogo udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Grammar of Modern Udmurt: Phonetics and morphology]. Izhevsk: Udmurt Book Publ., 1962.]
- Плунгян 2003 — Плунгян В. А. *Общая морфология: Введение в проблематику*. М.: Едиториал УРСС, 2003. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General linguistics: Introduction to the problematics]. Moscow: Editorial URSS, 2003.]
- Привизенцева 2016 — Привизенцева М. Ю. Двойное маркирование и структура именной словоформы (на материале бурятского, горномарийского и мокшанского языков). *Типология морфосинтаксических параметров*, 2016, 3: 232–247. [Privizentseva V. Yu. Double marking and the structure of nominal word form. *Typology of Morphosyntactic Parameters*, 2016, 3: 232–247.]
- Санжеев 1962 — Санжеев Г. Д. *Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология*. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. [Sanzheev G. D. *Grammatika buryatskogo yazyka: Fonetika i morfologiya* [Grammar of Buryat: Phonetics and morphology]. Moscow: Eastern Literature Press, 1962.]
- Холодилова 2018 — Холодилова М. А. Имя и именная группа. Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. Толдова С. Ю., Холодилова М. А. (отв. ред.). М.: Буки Веди, 2018, 63–341. [Kholodilova M. A. Noun and noun group. *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskem osveshchenii*. Toldova S. Yu., Kholodilova M. A. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2018, 63–341.]
- Хомченкова 2022 — Хомченкова И. А. Способы выражения каритивной семантики в горномарийском языке. *[Khomchenkova I. A. The expression of caritive semantics in Hill Mari.] Linguistica Uralica*, 2022, 58(4): 287–306.
- Хомченкова 2023 — Хомченкова И. А. Каритив. Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. Кашкин Е. В. (отв. ред.). М: Буки Веди, 2023, 120–134. [Khomchenkova I. A. Comitative. *Elementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskem osveshchenii*. Kashkin E. V. (ed.). Moscow: Buki Vedi, 2023, 120–134.]

- Arkhangelskiy, Usacheva 2018—Arkhangelskiy T., Usacheva M. Case compounding in Beserman Udmurt. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*, 2018, 9(1): 111–138.
- Bresnan, Mchombo 1995—Bresnan J., Mchombo S. A. The lexical integrity principle: Evidence from Bantu. *Natural Language & Linguistic Theory*, 1995, 13(2): 181–254.
- Bybee 1985—Bybee J. L. *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1985.
- Cheremisinova 2020—Cheremisinova M. *Proprietary attributivizers in Kazym Khanty*. Working papers. Moscow: HSE Univ., 2020.
- Croft 1996—Croft W. *Typology and universals*. Cambridge: Cambridge Univ., 1996.
- Ebata 2014—Ebata F. The Sakha proprietary suffix *-leex*. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, 1(3): 23–34.
- Grünthal et al. 2022—Grünthal R. et al. Drastic demographic events triggered the Uralic spread. *Diachronica*, 2022, 39(4): 490–524.
- Hamari 2011—A. Hamari. The abessive in the Permic languages. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*, 2011, 93: 37–84.
- Hamari 2012—Hamari A. Inflection vs. derivation: The function and meaning of the Mordvin abessive. *Morphology and meaning*. Rainer F. et al. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2012.
- Haspelmath 1996—Haspelmath M. Word-class-changing inflection and morphological theory. *Yearbook of morphology*. Booij G., van Marle J. (eds.). Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1996, 43–66.
- Haspelmath 2024—Haspelmath M. Inflection and derivation as traditional comparative concepts. *Linguistics*, 2024, 62(1): 43–77.
- Jakobson 1971—Jakobson R. Zur Struktur des russischen Verbums. *Selected writings. Vol. II: Word and Language*. Jakobson R. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 1971, 3–15.
- Kaji 2014—Kaji H. Proprietary suffix *-lkan* in Ewen. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, 1(3): 35–42.
- Kibrik 1998—Kibrik A. E. Does intragenetic typology make sense? *Sprache im Raum und Zeit. In memoriam Johannes Bechert*, 2. Boeder W., Schroeder Ch., Wagner K. H., Wildgen W. (eds.). Tübingen: Günter Narr Verlag, 1998, 61–68.
- Kozlov 2020—Kozlov L. *Noun attributivization in Uralic*. MA thesis. Moscow: HSE Univ., 2020.
- Kowalik 2023—Kowalik R. *Towards a grammar of spoken South Saami*. Doctoral diss. Stockholm: Stockholm Univ., 2023.
- Lehmann, Shin 2005—Lehmann C., Shin Y. M. The functional domain of concomitance: A typological study of instrumental and comitative relations. *Typological studies in participation*. Lehmann C. (ed.). Berlin: Akademie, 2005, 9–104.
- Nagayama 2014—Nagayama Y. Two proprietary forms in Alutor. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, 1(3): 43–55.
- Nikolaeva 2008—Nikolaeva I. Between nouns and adjectives: A constructional view. *Lingua*, 2008, 118(7): 969–996.
- Nikolaeva 2014—Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2014.
- Nikolaeva, Spencer 2007—Nikolaeva I., Spencer A. Nouns as adjectives and adjectives as nouns. *Talk at the International Conference on «Adjectives»*, September 13–15 2007, Univ. Lille 3, Villeneuve d'Ascq.
- Plank 1994—Plank F. Inflection and derivation. *The Encyclopedia of Language and Linguistics*. Vol. 3. Asher R. E. (ed.). Oxford: Pergamon Press, 1994, 1671–1678.
- Plank 1995—Plank F. (Re-)introducing Suffixaufnahme. *Double case: Agreement by Suffixaufnahme*. Plank F. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 1995, 3–110.
- Salminen 2010—Salminen T. Europe and the Caucasus. *Atlas of the world's languages in danger*. Moseley Ch. (ed.). UNESCO Publ., 2010.
- Schlesinger 1979—Schlesinger I. M. Cognitive structures and semantic deep structures: the case of the instrumental. *Journal of Linguistics*, 1979, 15(2): 307–324.
- Spencer, Nikolaeva 2017—Spencer A., Nikolaeva I. Denominal adjectives as mixed categories. *Word Structure*, 2017, 10(1): 79–99.
- Stassen 2000—Stassen L. AND-languages and WITH-languages. *Linguistic Typology*, 2000, 4(1): 1–54.
- Stolz et al. 2006—Stolz T., Stroh C., Urdze A. *On comitatives and related categories. A typological study with special focus on the languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006.
- Stolz et al. 2007—Stolz T., Stroh C., Urdze A. With(out): On the markedness relation between comitatives/instrumentals and abessives. *Word*, 2007, 58(1–3): 63–122.
- VISK 2008—*Ison suomen kielioin verkkoversio*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2008. Electronic resource: <https://kaino.kotus.fi/visk/etusivu.php>.